

ИГРАЮ МАЛЬЧИШЕК

Встреча с актрисой МХАТа Брониславой Захаровой

Синяя птица — символ человеческой мечты. В раннем детстве и в возрасте преклонном, удерживая «синицу в руках», мы не теряем надежду поймать эту птицу счастья. Мечта не покидает нас вот уже по крайней мере 75 лет. Именно столько времени минуло с тех пор, как на сцене Московского Художественного театра сказочные герои Метерлинка отправились в путь за Синей птицей. Шли годы, менялись зрители, на смену старым исполнителям приходили новые поколения актеров...

Бронислава Захарова работает во МХАТе, она актриса старого, но всегда молодого ампула травести. Играет она роли детей в основном мальчишек. И становится понятно, почему ее работа в первую очередь находит отклик у детской аудитории, у самых чутких и требовательных зрителей.

— Конечно, не обходится без курьезов, — говорит Бронислава Ивановна. — Когда я работала в Московском ТЮЗе, по телевидению показали спектакль «Дорогой мальчик». После этого в театр пришло письмо от маленькой зрительницы. Она писала, что смотрела спектакль не с самого начала, не видела титров и поэтому не знает, кто исполнял роль Жоры Тимохина. «Прошу Вас, — писала она, — помогите мне встретиться с этим мальчиком, я очень хочу с ним переписываться и дружить». Ответить ей не смогла. Не хотела разочаровывать. Ну зачем ей знать, что мальчика играл не актер, и тем более не мальчик, а актриса. Зачем разбивать иллюзии? Хотя однажды это произошло. Произошло случайно, но я до сих пор помню детскую обиду, детское разочарование.

Я тогда еще училась в студии при Центральном детском театре и играла мальчишку в дипломном спектакле «Особое задание» по пьесе Сергея Михалкова. С этим спектаклем мы выезжали в пионерский лагерь под Москвой. Приехали уже в костюмах. Я, в гриме, парике, ходила по лагерю, как настоящая мальчишка. Ребята сразу приняли за «своего», обступили толпой, стали задавать вопросы. Наша беседа была живой и непринужденной. После спектакля, когда настало время прощаться, они провожали нас до автобуса. Мы сели на места,

автобус медленно тронулся с места, и в этот момент я сняла парик. Ребята, которые шли за автобусом, остановились в растерянности, потом один из парней вырвался вперед и стал грозить мне кулаком: «Ах ты обманщица!!! Девчонка, оказывается!» С тех пор я остерегаюсь разочаровывать детей.

— Почему вы решили стать актрисой?

— С детства любила слушать радиопостановки и смотреть телеспектакли. В театр ходила редко, так как жила под Москвой. Но уже с пяти лет знала: буду актрисой. Правда, сначала хотела быть балериной, потом мечтала о цирке, а уже потом твердо решила стать драматической актрисой. Самостоятельно занималась гимнастикой, акробатикой. Устраивала «солные» концерты на лестничной площадке. Читала стихи, пела, плясала для жильцов дома и двора. Играла в школьном театре, потом, чтобы проверить свои способности, пошла в драматический кружок при заводе «Зоркий». Руководитель кружка, осмотрев меня критическим взглядом, воскликнула: «Какая же ты маленькая!!! Возьми монолог, выучи!» Это был монолог из роли взрослой девушки, героини спектакля. Выучила. Прочла. Руководитель сказала: «Будешь играть. Только поменьше слез!» После премьеры он посоветовала поступать в театральное училище.

Попробовала поступить в школу-студию МХАТа, но там сказали: «Девочка, выбирай другую профессию». На это я про себя усмехнулась: «Какая другая профессия?! Только эта!» И поступила в студию при Центральном детском театре. Руководитель курсом Мария Осиповна Кнебель, а педагогами были Валентина Сперантова и Анатолий Эфрос. Я уже училась, когда во МХАТе был объявлен конкурс на актрис-травести. Мои однокурницы пошли пробоваться, а я им подыгрывала. После показа мне одной предложили перейти в школу-студию и играть во МХАТе Тиль-Тиль и Суок из «Трех толстяков». Но в это время мне дали главную роль детдомовского мальчишки в спектакле «Бывшие мальчишки», и я осталась в детском театре. Лучшей похвалой для меня были слова ребят: «О, вот это настоящий парень! Не девчонка!»

— И все-таки роли мальчишек были вам ближе?

— Скорее всего, да. Наверное, поэтому перешла через некоторое время в Театр сатиры на роль Мальша в спектакле «Мальш и Карлсон, который живет на крыше». Играли спектакль обычно по воскресеньям. И только от воскресенья к воскресенью у меня заживали коленки. Декорации были сложные, приходилось много лазить по «крышам» — деревянным настилам. Отсюда занозы, синяки, ссадины...

— В одной из рецензий писали, что актриса Захарова может в этом спектакле сыграть все: и Мальша, и Карлсона, и фрекен Бок, и даже паровую машину.

— Паровую машину я не играла, а вот Карлсона — да. Правда, всего два раза. Я давно мечтала о роли Пеппи — Длинный чулок, о роли, в которой можно максимально выявить актерские возможности. Эта девочка охвачена такой фантазией! Она существует по своим законам, взрывает установленные жизненные порядки. Эта роль требует универсальности! Вплоть до того, что необходимо уметь ходить на руках, стоять на голове! Поэтому, когда МТЮЗ начал репетировать спектакль о Пеппи, я перешла в этот театр. Лия Ахеджакова и я были назначены на Пеппи. Я сыграла всего несколько раз. Мне трудно судить, насколько удалась мне роль Пеппи, но спектакль в целом почему-то не привился в театре в отличие от спектакля, который уже многие годы успешно идет в Театре сатиры.

— Переход на «взрослые» роли бывает трудным, порой даже болезненным, для любой драматической актрисы, а не только для актрисы-травести. Хотя для последней он может и не произойти вовсе, и тогда это равносильно концу профессии. Сейчас, работая во МХАТе, вы наряду с ролями мальчишек играете трагикомедийную роль матери, Цыпкиной, в спектакле «Вагончик» режиссера Камы Гинкаса. Играете настолько точно и жизненно цепко, что кажется, будто «перехода» к взрослым ролям и вовсе у вас не было. Насколько эта характерная возрастная роль стала для вас органичной.

— Моей первой возрастной ролью была старуха Шаблова из пьесы Островского «Поздняя лю-

бовь». Играть ее мне было легко, так как я хорошо знаю такую тип женщин. Для них характерна максимальная жадность, рвачество, эгоизм. Для Шабловой дадут деньги сыну, чтобы он возместил проигранный долг, означало трагедию! Режиссер Еремин, который неожиданно предложил мне эту роль, помни выдать тот драматизм, которым я старалась пронизывать до этого все мои роли мальчишек и девчонок.

Может быть, поэтому переход от Тиль-Тиль и Тома Кенти к образу Цыпкиной стал для меня естественным. Таких женщин, как Цыпкина, из простой рабочей среды, живущих с мужьями-пьяницами, но все-таки мужьями, полностью отдающих себя своим детям, в тяжелых и трудных условиях поднимающих их на ноги, я видела в жизни, слышала их особую, с простоватым говорком речь.

Какую бы роль я ни играла, я всегда иду в ней черточки детскости, ребячества, свойственные и молодости, и старости. И Цыпкина, порой как ребенок, верит в чудо: не осудят, не могут, не должны осудить дочь. Ее единственную, ее дорогую, ее кровиночку! Как Тиль-Тиль верит, что должна быть мечта, Синяя птица у каждого человека!

Я долго шла по разным театрам и наконец пришла в тот, где идет «Синяя птица». Пришла по собственной инициативе, попросила Олега Николаевича Ефремова взять к себе в театр. Со многими актерами МХАТа мне уже приходилось работать на радио, куда меня привела более двадцати лет назад Валентина Сперантова. Наверное, у каждого должна быть своя Синяя птица. Она может сама прилететь, а может и нет, и тогда за ней надо идти в пустыню, в леса или подняться на Эверест. Но идти надо.

В последней сцене спектакля Тиль-Тиль обращается к зрителям: «Если кто-нибудь из вас найдет Синюю птицу, то, пожалуйста, верните ее нам!». На одном спектакле мне из зала ответил ребенок: «Я найду! Я найду!» Такие моменты редки. Это награда за все трудности актерской профессии. Значит, что-то я сделала...

Беседу вела
О. ПОЛОЗКОВА.

Встреча с актрисой МХАТа Брониславой Захаровой